

Copyright © 2015 by Sochi State University

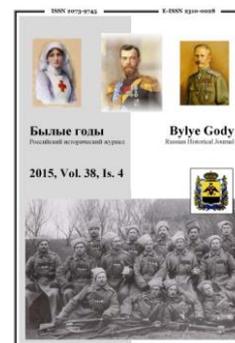
Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 38, Is. 4, pp. 1105-1114, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94 (47) 084.3 (571)

Forms of Representation of National Identity in the Official and Pro-Government Periodical Press of Eastern Russia (June 1918 – December 1919)

¹ Dmitry N. Shevelev² Kirill A. Konev¹⁻² Tomsk State University, Russian Federation¹ Dr. (History), Associate Professor

E-mail: shev-dn@yandex.ru

² E-mail: konev-k-92@rambler.ru

Abstract

On the basis of the official and pro-government periodical press published in the east of Russia from the summer of 1918 to the end of 1919 the author considers the key ideas, images and meanings for the anti-Bolshevik movement which played an important role in the collective self-identification of its supporters. Important components of legitimizing the power of the new political regimes were competitive struggle for hegemony in the field of symbolic production and formation of information, political, social, economic and cultural space corresponding to the new state doctrine. In the situation of destruction of the former (imperial) mechanism of social integration the new forms of organizing the political community «We» and its hostile opposition «They» were needed. The main object of the propagandistic departments of the Omsk government was formation and consolidation of the «imagined community», understood as the «Russian national community», and obedience to its goals of struggle against Bolshevism. The purpose of the study is to identify methods of institutionalization and representation of national identity which are typical for the newspaper formal discourse. Through the representation of goal the official and pro-government periodical press of anti-Bolshevik regimes of eastern Russia outlined the boundaries of the construction of the imagined community and built a unique identification corridors: «We» (the honest citizens of Russia) – «They» (our enemies – the Bolsheviks); politically active «Citizen» – indifferent to the fate of the homeland «Small-minded person» etc. The authors comes to the conclusion that the main methods of representation of national identity were the actualization of ideologically marked value components and political narratives.

Keywords: Civil war, Siberia, anti-Bolshevist movement, Russian government of admiral A.V. Kolchak, identity, political narrative.

Введение

В период Гражданской войны одним из ключевых элементов утверждения новых политических режимов являлась конкурентная борьба за гегемонию в сфере символического производства, противостояние идей, понятий, ценностей и образов, формирующих и конституирующих на постимперском пространстве новые «воображаемые сообщества». В условиях разрушения прежнего (имперского) механизма общественной интеграции обществу были необходимы *новая система символических кодов, новая система позиционирования себя в мире, новые формы дискурсивной самоидентификации, а в ситуации социального раскола и начавшейся Гражданской войны – и новые способы организации политической общности «Мы» и противопоставления ее враждебной «Они».*

В такой ситуации многократно возросло значение убеждения, роль устного и печатного слова. «Теперь, – отмечала одна из сибирских газет осенью 1919 г., – в атмосфере гражданской войны у нас, в исчерпывающей сущности жизненного процесса, вовсе нет мирных граждан, непричастных к войне людей. Мы все «армия», ибо каждый из нас, как бы ни был он нейтрален и аполитичен, он все-таки принадлежит к той или иной партии. Как бы ни была слаба его политическая окраска, каждый из нас

все-таки красный или белый! Но так как среди этой “армии” громадные массы населения не принимают в войне активного непосредственного участия, то они-то и создают или, по крайней мере, должны создавать ту психическую атмосферу, которая должна быть насыщена жаждой победы, уверенности в ней. Мы, воины гражданственности, должны проникнуться сознанием опасности момента и горячей веры в правоту своего дела» [1; 12 окт.].

Зададим вопрос: какую идентичность конституировали и поддерживали антибольшевистские правительства, действовавшие на территории Сибири в годы Гражданской войны?

Первоначально, в ситуации кризиса и распада центральной власти, активизации политических сил на местах, на востоке страны предпринимались попытки актуализации региональной идентификации. Более того, в Сибири базовые для начального этапа антибольшевистской государственности политические ценности и принципы, в основе которых лежала идея областной автономии, были сформулированы еще до начала Гражданской войны. Летом–осенью 1917 г. господствовавшая в политическом пространстве Сибири «революционная демократия» определила основные ориентиры ее будущего общественного уклада: «федеративное устройство» и «народовластие». Вокруг этих базовых политических ценностей организуются «узловые точки» нарождавшегося сибирского политического дискурса: областная автономия, демократические выборы, принцип разделения властей, Сибирская областная дума. Эти основные знаки нового дискурса начинают играть ключевую роль и в формировании новой политической идентичности.

Летом 1918 года власть на востоке России переходит к Временному Сибирскому правительству. 4 июля 1918 г. оно принимает декларацию «О государственной самостоятельности Сибири», в которой говорилось о том, что новая власть, с одной стороны, «торжественно объявляет во всеобщее сведение, что ныне оно одно вместе с Сибирской областной думой является ответственным за судьбы Сибири, ... а также заявляет, что отныне никакая иная власть ... не может действовать на территории Сибири или обязываться от ее имени», а, с другой – «полагает также совершенно необходимым объявить не менее торжественно, что оно не считает Сибирь навсегда оторвавшейся от тех территорий, которые в совокупности составляли Державу Российскую, и полагает, что все его усилия должны быть направлены к воссозданию Российской государственности». [2; 20 авг.].

Однако основанная эсеро-областнических политических ценностях риторика довольно быстро сходит на нет уступая место общероссийской гражданской идентичности. Произошедший в ночь на 18 ноября 1918 г. государственный переворот означал окончательный распад и без того непрочной коалиции умеренных социалистов и либерально-консервативных сил. «После изгнания Авксеньтьева, – писал П.Н. Милюков, – умеренная часть эсеров совершенно стухевалась, а среди кадетов, после ухода Виноградова, окончательно возобладали правые настроения. Элементы возможного умеренного центра были отброшены переворотом 18 ноября к противоположным полюсам политической жизни. На сцену выступили крайние фланги, немедленно вступившие друг с другом в самую острую борьбу». [3; с. 53].

Похожую оценку ноябрьского переворота дает и М.В. Вишняк, который охарактеризовал его как поворотный пункт в истории Гражданской войны. «После 18 ноября 1918 г., – отмечал он, – по иному переставились участвовавшие в борьбе против большевиков силы, по иному и надолго установились отношения между партиями, до того более или менее согласно выступавшими против советской власти». [4; с. 390] Происходит и определенная переоценка политических ценностей.

Как справедливо заметил один из главных идеологов Омского режима Н.В. Устрялов: «Но, конечно, идеология наша была не сибирской, а всероссийской. Тут мы не могли уступить. Но ведь и сама личность Колчака была символом меньше всего областническим, меньше всего лишь сибирским! Отдавая должное «крепким сибирским корням», Омск не мог себе не ставить всероссийских задач, они навязывались ему сами, логикой всероссийской революции». [5; с. 228].

В итоге основной задачей, решаемой пропагандистскими ведомствами Белого Востока, являлось формирование и консолидация «воображаемого сообщества», понимаемого как «русская национальная общность», подчинение его целям борьбы с большевизмом. Цель работы заключается в выявлении характерных для газетного дискурса поддерживавших антибольшевистские режимы востока России изданий приемов структурирования политического пространства, с одной стороны, и способов конституирования и репрезентации национальной идентичности – с другой.

Материалы и методы

Сложившееся на востоке России в годы Гражданской войны информационное пространство, рассматриваемое как многомерное поле взаимодействия информационных потоков и различных видов коммуникации, отличалось многообразием и динамизмом составляющих его элементов – образов, идеологем и мифов. Это проявлялось в наличии целой палитры взглядов на идеологию, политику, экономику и другие сферы общественной жизни, которые отразились на страницах периодических изданий Белого Востока. Пресса являлась в тот период наиболее распространенным каналом передачи информации, а также одним из важнейших инструментов воздействия на общество. В условиях же отсутствия у Омского правительства прочного идеологического фундамента

государственная печать востока России представляла собой многомерное поле идеологического производства, пропагандистской репрезентации и борьбы за гегемонию в дискурсе.

Выстраивая свою «осведомительную» деятельность официальные и проправительственные издания Белого Востока стремились сформировать особую картину мира и распространить в рамках этой картины необходимый, по их мнению, набор ценностей и установок, закрепив при этом за собой право на их интерпретацию. Данная картина мира, выстраивалась в соответствии с ключевыми идеологическими доминантами, образующими смысловой каркас избранной модели («Национальное государство»). В настоящее время известно несколько форм экспликации таких смысловых доминант – идеологема, мифологема, концепт, нарратив, реконструировать которые возможно при рассмотрении материалов правительственной и официальной периодики. Моделирование и анализ данных элементов позволяет рассмотреть и уточнить содержательную составляющую государственной идеологии; выявить *стратегии и тактики представления идеологических установок в пропагандистских текстах; зафиксировать те политические мифы, которыми оперировала антибольшевистская пропаганда для создания положительного образа политических режимов белой Сибири и конструирования новой национально-государственной идентичности.*

Основным источником для написания данной работы послужили материалы официальной и проправительственной периодической печати, выходившей как на территории, подконтрольной Временному Сибирскому, Временному Всероссийскому и Российскому адмирала А.В. Колчака правительствам (газеты «Сибирский вестник», «Вестник Временного Всероссийского правительства», «Правительственный вестник», «Русская армия», «Русское дело», «Наша газета», «Сибирская речь», «Сибирская жизнь», «Свободная Сибирь», «Свободный край», «Военные ведомости», «Русский голос», «Отечество» и ряд других), так и за границей («Общее дело») с лета 1918 по конец 1919 г. На страницах «государственно мыслящей» прессы, пропагандистских листовок и брошюр шло формирование идеологических смыслов и ценностей: осмысление политического и исторического опыта – концептуализация – трансляция пропагандистских установок. В политическом и масс-медийном дискурсах белого Востока осуществлялось конституирование модели «Национальное государство», которую антибольшевистские правительства противопоставляли «Диктатуре пролетариата», «Советской республике».

Обсуждение

К настоящему моменту изучены многие значимые вопросы истории Гражданской войны, и в этом огромная заслуга как советской, эмигрантской и зарубежной, так и современной российской исторической науки. Однако сложность и многогранность процессов, происходивших в этот период, заставляет исследователей вновь и вновь обращаться к данной тематике. Кроме того, следует согласиться с утверждением новосибирского историка В.В. Журавлева о том, что «культурные трансформации этого периода оказались весьма живучими, на протяжении длительного времени воздействуя на последующий исторический процесс». [6; с. 108]. В последние десятилетия у отечественных исследователей существенно возрос интерес к идеологии белого движения, а также различным аспектам информационной и пропагандистской деятельности антибольшевистских сил. Однако в первую очередь речь идет об изучении деятельности правительственного аппарата осведомления и политической пропаганды, органов цензуры, государственных спецслужб, осуществлявших контроль политических настроений населения и ведавших пропагандистской работой на территории противника, особенностей функционирования антибольшевистской прессы. Специальных же работ, анализирующих политический дискурс антибольшевистского движения на востоке страны в целом, и дискурс политической пропаганды в частности, написано немного. Лишь некоторые аспекты проблемы изучались В.В. Журавлевым [7], Л.А. Молчановым [8] и Д.Л. Шереметьевой [9]. Таким образом, «идеологические процессы в контрреволюционном движении и на территориях, подконтрольных антибольшевистским режимам, трудно назвать изученными сколько-нибудь целостно и глубоко». [6; с. 109]. Все это создает вполне достаточные предпосылки для более глубокого и детального изучения идеологии антибольшевистского движения, представленной в организационных структурах, институционализированных политических практиках, дискурсах и нарративах.

Результаты

Анализ официальной и проправительственной периодической печати, выходившей на востоке России в годы Гражданской войны, позволяет выделить несколько ключевых форм дискурсивной репрезентации национальной идентичности.

1. Само формирование национально-ориентированной «Мы-группы» происходило через **жесткое структурирование политического пространства**. Успех идеологического воздействия, его мобилизационная эффективность во многом зависят от того, каким образом государственная власть сформулирует общие цели своей деятельности, насколько они близки и понятны населению, отвечают его настроениям и интересам. Именно на основе совпадения интересов и единства цели происходит формирование политической общности «Мы» и

противопоставление ее враждебной «Они». При этом следует понимать, что и у того («белые») и другого («красные») сообщества имелось четко выраженное ядро – люди, составлявшие идейную основу движения. Достижение согласия между этими «ядрами» было принципиально невозможно, ввиду непримиримости целевых установок. Кроме того имелась довольно зыбкая, неустойчивая, колеблющаяся периферия, которую составляла основная часть населения бывшей Российской империи, где были потенциально СВОИ и потенциально ЧУЖИЕ.

В Сибири основная цель антибольшевистского движения, организационно оформленного в несколько сменяющих друг друга политических режимов, на протяжении всей Гражданской войны оставалась неизменной. Это бескомпромиссная борьба с «большевистским игом» до полной победы. Такая установка четко прослеживается во всех официальных декларациях и воззваниях Западно-Сибирского комиссариата, Временного Сибирского, Временного Всероссийского и Российского адмирала Колчака правительств. Именно через репрезентацию цели официальная и проправительственная периодическая печать востока России очерчивала границы конструирования воображаемого сообщества, выстраивала своеобразные идентификационные коридоры:

«Мы» («все честные граждане России») – «Они» (наши враги – большевики)

Пропаганда Белого Востока представляла большевиков «врагами народа», «узурпаторами», «путем обманчивых обещаний и насилий» захватившими власть над русской землей, разрушившими «целостность и единство государства Российского» и подвергнувшими «величайшей опасности свободу и независимость российских граждан». «Большевистская власть, – отмечалось, в частности, в обращении Временного Всероссийского правительства к правительству США, – исповедующая на словах демократические принципы, на деле попирает их ногами и осуществляет лишь партийную диктатуру. Всеобщее избирательное право, основа истинного демократизма, уничтожено. Разогнано избранное на основе этого права Учредительное Собрание, а также городские и земские самоуправления». [10; 8 нояб.]

Установленная большевиками власть именовалась «кошмарным гнетом», «новым самодержавием», «преступной», «самочинной» и «безответственной». На них возлагалась ответственность за развязывание гражданской войны и террор. «Этот режим вызывает неукротимую оппозицию со стороны наиболее сознательных слоев населения, – указывалось в опубликованном в конце февраля 1919 г. правительственным сообщении, – и советской власти приходится поддерживать его тремя чудовищными средствами: голодом, террором и гражданской войной. Голодом она загоняет на службу в свои учреждения обессилевшую интеллигенцию; террором, неслыханно жестоким и беспощадным, подавляет массовые движения и истребляет все наиболее стойкое и сильное, а гражданской войной, провозглашаемой как постоянный принцип жизни, искусственно раздуваемой и расширяемой, она поддерживает разделение и бессилие враждующих групп» [11. 21 февр.]

В своих воззваниях к населению правительства Белого Востока выражали твердую уверенность в том, что «всем опостылевшая большевистская власть» решительно отвергается всеми слоями и классами российского общества. «Временное Всероссийское правительство, – указывалось в адресованной «ко всем областным правительствам и ко всем гражданам государства Российского» грамоте Директории, – глубоко верит, что все части и все народности Великой России, поняв смертельную опасность, грозящую Родине со стороны германо-мадьярских полчищ и их приспешников большевиков, сплотятся в единое мощное целое, дабы под твердым руководством всероссийской верховной власти вывести, наконец, нашу исстрадавшуюся отчизну из бездны распада на предначертанный ей путь всероссийского государственного возрождения». [10. нояб.]

В такой ситуации, полагало политическое руководство Белого Востока, «цель, которую ставит себе правительство, должна стать общей целью честных граждан России – освободить страну от большевистского гнета, спасти последние остатки народного достоинства и приступить затем в полном порядке и разумно к переустройству народной жизни» [11. 14 янв.]. Любые переговоры, перемирие, компромисс с большевиками были невозможны. Непокколебимость такой установки наиболее отчетливо выразил адмирал А.В. Колчак в своем воззвании к населению летом 1919 г. «Я, – говорилось в этом документе, – обращаюсь к населению свободной от гнета комиссаров России: мы ведем с большевизмом смертельную борьбу, которая не может кончиться договором или соглашением, ибо в этой борьбе мы защищаем родину против интернационала, свободу против тирании и культуру против одичания. В этой борьбе у нас нет честных противников, есть шайки грабителей, руководимые международными отбросами. Против нас нет честных способов ведения борьбы: есть путь мучения безвинных, насилия над беззащитными и всеобщее разграбление. И укрыться от борьбы и ее последствий нет возможности, пока враг не уничтожен» [11. 26 июля.]

Кроме того, довольно часто пропагандисты прибегали к использованию контрастных альтернатив. Так, сравнивая Россию с былинным богатырем с картины Васнецова «Витязь на распутье», газета «Голос сибиряка» отмечала в начале 1919 г.: «С одной стороны, перед ней «революционный» путь, продолжение того, каким шла она в истекшем году, обильно политый кровью, усеянный острыми камнями злобы и ненависти, с другой – новый, ведущий не к разрушению, но к созданию, сохранению того, что есть... Возьмет ли она в руки красный флаг

интернационала или поднимет милый русскому сердцу национальный бело-красно-синий?» [12. 1 янв.].

Подобную метафору использовал и публицист В. Покровский. В статье «Памятная годовщина» он писал: «Многострадавшая от самодержавия, растоптанная сапогами пьяных комиссародержавцев и немецких шпионов, она пришла, наконец, к тому часу своего существования, когда надолго решается ее судьба, когда лежит перед ней несколько путей, несколько дорог. Одни скользкие и заманчивые – вниз. Другие узкие, тяжелые, затруднительные вверх – к свободе, мирному труду и благосостоянию» [13. 7 авг.].

Политически активный «Гражданин» – безучастный к судьбе Родины «Обыватель»

Кроме того новая власть столкнулась с пассивным, индифферентным отношением города и деревни к правительству и его мероприятиям, с тем страшным для любого политического режима явлением под названием «обыватель». «Странное и, говоря по совести, сквернейшее существо – это наш многоликий дряблый кислый обыватель, – отмечала “Народная Сибирь”. – Он только и делает, что от зари до зари надрывно канючит. Канючит и поет, словно черти жилы за него тянут. Он всегда и всем недоволен. Все критикует, ко всему прикладывает свой замызганный обывательский аршин... Вечером в 9 ч. наглухо закрываются ставни, спускаются с цепи собаки, – вот и вся защита, а что дальше там, что бог даст или... моя хата с краю». [14; 26 июня.].

В прессе официального направления равнодушный, безучастный обыватель противопоставлялся деятельному и сознательному гражданину. «Гражданин думает об общем благе, – писала по этому поводу “Народная газета”, – обыватель – только о собственном. Гражданин заботится о своем государстве, о своей стране, о родине; обыватель лишь о своей хате, своей семье, своих делах. Гражданин свое свободное время посвящает служению обществу, государству, народу; обыватель свой досуг убивает в сплетнях, болтовне, пустых играх и... попойках». [15; 16 марта].

Цивилизация и право – варварство, беззаконие, грубая сила.

Мировая и гражданская войны рассматривались как столкновение «двух культур, даже двух миросозерцаний». На одном полюсе, по мнению белых, находились Западные демократические страны – «носительницы старой европейской культуры», с примкнувшими к ним противниками большевизма. На другом – Германия и большевики. «Большевизм и германизм, – по мнению редакции газеты «Военные ведомости», – родственные по психике, тесно связанные между собою, как проявления одного и того же материалистического понимания мира, права «силы и меча», права только одной стороны (народа или класса) на мировое господство – ныне всем миром признаны как зло». [16; 29 июня].

Заявления о верности антибольшевистских сил странам Антанты, адресованные как союзникам, так и собственно населению России выступали средством выстраивания коллективной идентичности на основе утверждений «мы-европейцы», «мы-члены сообщества демократических, цивилизованных стран». Победа стран Антанты в мировой войне трактовалась белыми как победа демократии и права над авторитаризмом, «хищничеством и насилием в международной политике». Г.К. Гинс, выступая с речью, на собрании «Союза Возрождения», посвященном окончанию мировой войны, заявлял: «Победа союзников – это победа тех идей, которым поклоняется возрождающаяся Россия». [17; 29 нояб.]. Возвращение обновленной, демократической России в когорту великих держав, рассматривалось как вполне закономерный итог войны. Окончательное установление мира в Европе связывалось с разгромом большевиков при активном участии союзных стран. Пока же, Россия, «претерпев всю тяжесть большевистских бесчеловечных преступлений», являлась, по мнению белых, тем буфером, который неоднократно спасал Европу от ужасов разрушения ее культуры». [16. 12 июня]. Таким образом, в рамках выстраивания оппозиции союзники и белые – Германия и большевики, осуществлялось конструирование положительного образа антибольшевистских режимов Белой Сибири, а также происходил поиск обоснований для вмешательства стран Антанты в гражданскую войну в России на стороне белых.

Лидеры и идеологи белого движения не только стремились доказать необходимость союзной помощи антибольшевистскому движению, но и рассматривали социальное и политическое устройство стран Антанты как образец для подражания, призывая использовать опыт «просвещенного Запада» при построении новой государственности. «Мы должны помнить, что культурные ценности, данные миру, Англией и Францией, никогда не утратят своей силы и потому не перестанут освещать мир своим ярким светом. И нам, вступившим в семью европейских культурных народов, слишком поздно, и отставшим в своем развитии, необходимо быть поближе к этому свету, в особенности сейчас, когда мы так жестоко потратили и то немногое, что имели» – отмечалось в кадетской газете «Свободный край». [18; 27 апр.].

2. Для конституирования и репрезентации национальной идентичности особую значимость имело **транслирование официальной и проправительственной периодической печатью антибольшевистского Востока консолидирующих «Мы-группу» ценностей.**

Основные программные установки и идеологические приоритеты новой власти Верховный правитель России адмирал А.В. Колчак обозначил вначале в своем обращении «К населению», а затем во время встречи с представителями прессы. В обращении, опубликованном «Правительственным вестником» 20 ноября, задачи нового политического режима были

сформулированы кратко, в самом общем виде. «Я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности, – заявлял Колчак. – Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру».[17; 20 нояб.].

Более детально задачи верховной власти, ее идеологические ориентиры были изложены Верховным правителем в беседе с журналистами, состоявшейся 28 ноября. На основании этих материалов, а также более поздних его выступлений складывается вполне определенное представление об идеологической направленности колчаковского режима.

Во-первых, это **политический центризм** как основа государственного курса. «Я сказал, “я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности”. И это свое обещание я оправдаю не словами, а делом, – заявлял адмирал А.В. Колчак. – Я сам был свидетелем того, как гибельно сказались старый режим на России, не сумев в тяжкие дни испытаний дать ей возможность устоять от разгрома. И, конечно, я не буду стремиться к тому, чтобы снова вернуть эти тяжелые дни прошлого, чтобы реставрировать все то, что признано самим народом ненужным». [17; 30 нояб.].

Во-вторых, это **демократическое государственное устройство**. «С глубокой искренностью скажу Вам, господа, что теперь, пережив впечатления тяжкой мировой войны, я твердо укрепился на той мысли, что государства наших дней могут жить и развиваться только на прочном демократическом основании», – говорил А.В. Колчак на встрече с представителями прессы в конце ноября 1918 г. Демократическое государственное устройство Верховный правитель связывал с развитием местного самоуправления. [17; 30 нояб.]. «Новая свободная Россия, – отметил он, выступая в Екатеринбурге, – должна строиться на фундаменте единения власти и общественности... Я и правительство, мною возглавляемое, отчетливо представляем себе всю тяжесть условий, в которых приходится начинать свою созидательную работу молодой русской общественности. В программу правительства входит, поэтому, как широкая помощь земствам и городам в деле выполнения ими задач общегосударственных, так и оказание им содействия всякого рода по восстановлению разрушенного хозяйства и развитию муниципальных предприятий». [11; 26 февр.].

В-третьих, это **порядок и законность**. На протяжении всего правления А.В. Колчак позиционировал себя как «сторонник порядка и государственной дисциплины». «Порядок и закон, – говорил он вскоре после переворота, – в моих глазах являются неизменными спутниками, неразрывно друг с другом связанными. Я буду принимать все меры, которыми располагаю в силу своих чрезвычайных полномочий, для борьбы с насилием и произволом. Я буду стремиться к восстановлению правильного отправления всех функций государственной жизни, служащих не только делу государственного строительства, но и возрождению Родины, так грубо, так дерзко нарушенному предательской рукой большевиков». [11; 30 нояб.].

В будущем, считал Колчак, законность и порядок должны были составить фундамент «великой, свободной демократической России». В своем же настоящем основную угрозу установлению в стране правопорядка он видел в «большевизме справа». «Большевизм справа, – отметил он в своем выступлении в Екатеринбурге, – как отрицание морали и долга перед родиной и общественной дисциплины, базирующийся на монархических принципах, но в сущности имеющий с монархизмом столько же общего, сколько большевизм слева имеет общего с демократизмом, подрывающим государственные основы страны еще много времени после этого потребует упорной борьбы с собой». [11; 26 февр.].

Рассмотрим, как провозглашенные Российским правительством адмирала А.В. Колчака политические ценности воспроизводились в пропагандистских изданиях белого Востока.

В качестве объекта анализа была выбрана «Наша газета» [19], которая выпускалась с августа по декабрь 1919 г. Русским Бюро печати в Омске, Томске, Новониколаевске и Иркутске. Газета написана доступным и весьма простым языком, свидетельствующим о том, что ее целевой аудиторией являлись широкие слои городского населения, солдаты и крестьянство. Издание было достаточно популярно и широко распространено, благодаря тщательному подбору материала и невысокой стоимости газеты – 20, затем 40 копеек за номер. Наибольшего тиража газета достигла в августе – 50 тыс. экземпляров. Всего же за август 1919 г. было выпущено 543 616 экземпляров газеты.

Авторами была отобрана и проанализирована 341 публикация «Нашей газеты», выпускавшейся в Томске с 26 октября по 3 декабря 1919 г. При этом доля публикаций, содержащих маркеры консолидирующих «Мы-группу» ценностей, составила почти 31 % от общего числа рассмотренных статей (106 из 341, соответственно). В результате исследования было выявлено шесть типов ценностных установок. Основанием для типизации послужило отнесение слов-индикаторов, выражающих каждую ценностную установку, к определенной тематике:

1. Религиозные ценности. Обозначались такими словами-индикаторами как: *вера, духовность, церковь, храм, святость, православие, мусульманство, «добровольческие дружины святого креста и полумесяца»*. Призыв защищать веру и религиозные ценности фигурировал в 25 % статей (27 из 106 публикаций).

2. Ценности, связанные с трудом и благосостоянием. Индикаторами послужили такие понятия как: *справедливый/честный и мирный труд, хозяйство, земля, собственность, земледелие, имущество, семья*. Данные категории присутствуют в 29 % статей. (31 из 106 публикаций).

3. Следующая большая группа ценностей, связана с интересами государства, восстановлением его мощи и престижа на международной арене. Ее можно обозначить такими словами-индикаторами как: *Родина, честь страны, государство/государственность, держава, власть, патриотизм, свобода/независимость*. Также сюда следует отнести концепт «*единая и неделимая Россия*» – лозунг, активно использовавшийся в пропагандистской риторике партии кадетов и правительством Колчака. Данная группа ценностных установок содержится в 43 % публикаций (46 из 106 публикаций).

4. Набор либеральных ценностей, связанных с понятиями *народоправства/демократии*, а также укреплением и соблюдением *прав и свобод* человека и гражданина. Данные ценности представлены в 15 % статей. (16 из 106 публикаций).

5. Еще одну категорию ценностей можно определить понятиями *законность, правопорядок и классовое единение, социальный мир*. Эти категории присутствуют в 24 % статей (26 из 106 статей).

6. Последняя ценностная категория связана с темой созыва *Учредительного Собрания*, содержится в 9 % статей (10 из 106 публикаций).

Таким образом, преобладающей в материалах газеты была идея сильного, единого государства, а также традиционные ценности, связанные с религией, землей и материальным благополучием, следом за ними отстаивалась необходимость сохранения правопорядка и классовой солидарности. Учитывая направленность газеты на широкие слои населения, следует предположить, что для привлечения на свою сторону народных масс белые стремились опереться на близкие и понятные крестьянам, солдатам и рабочим категории. В то же время, актуализировавшийся в период революции ценности демократии, прав и свобод, в пропагандистской риторике данной газеты были оттеснены на второй план.

3. Существенную роль в коллективной самоидентификации сторонников антибольшевистского движения на востоке России играли **встроенные в пропагандистский дискурс идеологически маркированные истории, рассказы, повествования**. Речь идет о политических нарративах – «*совокупностях дискурсных образований разных жанров, сконцентрированных вокруг определённого политического события*». В предыдущих статьях мы рассматривали два узловых политических нарратива Антибольшевистского Востока – рассказы о «*Великой войне*» и «*Единой Неделимой Руси*». Остановимся на их общих свойствах. В первую очередь следует обратить внимание на два ключевых параметра выявленных нарративов: дискретность и когерентность. С одной стороны, анализируемые повествования представлены не в одном произведении, а рассеяны по многим по многим газетным текстам, листовкам и пропагандистским брошюрам. С другой – объединяющие эти тексты рассказы отличаются содержательной цельностью и смысловой завершенностью, изложенной в них истории. При этом единая для всех текстов история могла воспроизводиться в несколько отличных изложениях (интерпретациях) и многими повествователями.

Репрезентация рассказов о «*Великой войне*» и «*Единой Неделимой Руси*» происходила в результате соединения и комбинирования нескольких дискурсов, рассматриваемых как отдельные потоки социальной коммуникации. При этом политический дискурс задавал идеологические ценности и установки значимые для понимания настоящего, а масс-медийный дискурс выступал как форма актуализации и представления информации с целью воздействия на аудиторию.

Рис. 1. Структура нарратива о «Великой войне»

Представленные в официальной и проправительственной периодической печати, выходящей на востоке России в годы Гражданской войны, политические нарративы обладали определенной сюжетно-ролевой структурой: фабулой, сюжетной композиций, действующими лицами. Например, используя

ставшую классической актантную модель А. Греймаса [20; с. 261], можно установить основных акторов рассказа о «Великой войне» и схему взаимодействий между ними.

В качестве главного субъекта-героя этого повествования выступает антибольшевистское Российское правительство адмирала А.В. Колчака, действия которого направлены на объект – заключение справедливого (в его понимании) мира. Отправителем (*адресантом*) в нарративе о «Великой войне» является некая трансцендентная сила – высшая историческая справедливость, которая должна вознаградить *получателя* (адресата) – Россию за совершенные подвиги и принесенные жертвы. Подобным образом можно выявить конфигурацию коммуникативных и функциональных позиций в других политических нарративах.

Встроенные в антибольшевистский пропагандистский дискурс *сверхтекстовые повествования* имели свою протяжённость во времени и пространстве. Воспроизводимые в прессе истории соединяли прошлое, настоящее и будущее, конфигурируя связное ценностно-смысловое единство. В политических нарративах происходила постоянная отсылка к мифическому *первовремени*, тому историческому моменту когда Русь (Россия) была велика и могуча, времени легендарных героев и злодеев, величайших свершений, безмерных подвигов и жертв. Так в рассказе о «Великой войне» оказалось соединено недавнее героическое прошлое, в котором Россия продемонстрировала всему миру свою жертвенность ради союзников, а ее армия совершила беспримерный подвиг, и будущее, где справедливый мир должен стать лучшим для нее воздаянием.

Обращение к героическому прошлому позволяло выстраивать в рамках политических нарративов воображаемые пространства со своей историей и географией. Обязательным условием для достижения Россией ее прежнего величия считались сохранение территориальной целостности и укрепление влияния в соседних, прежде всего славянских, государствах. Одним из основных мотивов нарратива о «Единой Неделимой Руси» являлась *идея единства русского народа*, *служившая для Прикарпатской Руси, как писала газета «Карпаторусское слово» «путеводным маяком в атмосфере знета и несправедливости» [21; 20 дек.]. Русины Закарпатья, оказавшиеся в результате мировой войны на территории Сибири в качестве беженцев, часть из которых примкнула к белым, осознавали себя частью «народности русской», а земли Прикарпатской Руси воспринимали как часть русской территории. В таком контексте вся история Прикарпатья представляла в виде непрерывной борьбы русинов за сохранение своей национальной идентичности, апогеем которой стала мировая война. «Оскотиневшие гунны» и «зверские германцы», возглавляемые «Францем-Иосифом – Антихристом», являлись воплощенным злом, борьба с которым должна была стать для карпаторуссов проверкой на прочность их приверженности идее общерусского единства. [22; 4 февр.]. Для правительства адмирала А.В. Колчака движение карпаторуссов и присущая ему политическая риторика, стали одним из путей конструирования новой национальной идеи, способной консолидировать общество перед лицом большевистской угрозы.*

Заключение

Подводя итог, следует выделить два аспекта дискурсивной репрезентации национальной идентичности:

Первый аспект подразумевает определенную форму представления и трансляции. В рамках данной статьи мы рассмотрели три способа репрезентации идентичности:

1. Жесткое структурирование политического пространства, с помощью использования упорядоченной системы бинарных оппозиций, которые позволяли определить, чем субъект («Мы-сообщество») является, и чем не является. Ключевые бинарные оппозиции:

- Цивилизованный, культурный – варварский, дикий;
- Национальный – универсальный (интернациональный);
- Политически активный – политически пассивный;
- Внутренне ориентированный – внешне ориентированный.

Все эти противопоставления явно, либо завуалировано выраженные в пропагандистских текстах, служили для политической идентификации, а также для доказательства моральной правоты белого движения, разоблачения преступного и антинародного характера большевистского режима, его слабости и неустойчивости. Кроме того, сама репрезентация целей белого движения служила одним из важнейших инструментов формирования национально-ориентированной «мы-группы».

2. Транслирование посредством *официальной и проправительственной периодической печати антибольшевистского Востока консолидирующих «Мы-группу» ценностей*. Проведенный контент-анализ материалов «Нашей газеты» позволил выявить набор ценностей, на которые опиралась правительственная антибольшевистская пропаганда, адресованная широким слоям населения. Использование данной методики подтвердило предположение о том, что, несмотря на присутствие в текстах либеральной, демократической фразеологии упор был сделан на традиционные ценности религии, справедливого распределения земли и необходимости честного труда. Основополагающей ценностью объявлялось сильное, независимое государство, на восстановление и укрепление которого, должны быть направлены все усилия.

3. Использование политических *нарративов, которые являлись особой формой осмысления, упорядочивания и организации исторического опыта, конституирования новой картины мира.*

Другой аспект репрезентации национальной идентичности связан с содержанием пропагандистской риторики.

Для коллективной самоидентификации сторонников антибольшевистского движения на востоке России ключевую роль играл образ врага – большевиков. Особенностью содержания пропаганды белых являлось то, что собственный положительный образ являлся менее четким и детализированным, чем отрицательный образ врага. Анализ публикаций на эту тему позволяет выделить основные аргументы, которыми оперировала политическая пропаганда:

- Борьба с большевиками необходима. Это естественная реакция российского общества на губительные для страны, ее государственности и народа действия большевиков.

- Борьба с большевиками морально оправдана, это противостояние сил Добра и Зла, поэтому она носит справедливый характер.

- Борьба с большевиками не является делом отдельных социальных групп или политических партий, она общественно значима.

- Борьба с большевиками исторически обоснована. Все, кто ведет борьбу с большевизмом, спасают от варварства не только Россию, но и всю мировую цивилизацию.

- Борьба с большевиками может завершиться только полным уничтожением большевизма.

Социальная и политическая разнородность антибольшевистского движения, вкупе с политикой непредрежденчества обуславливала размытость содержания пропагандистских установок белых и их непривлекательность для широких слоев населения. Как в конечном итоге, справедливо отметил Н.В. Устрялов: «У нас не хватило разума, прозорливости, таланта, влияния наполнить диктатуру Колчака той ударной социальной демагогией и вместе с тем той народной, реально-крестьянской начинкой, которые одни могли, быть может, ее спасти». [5; 274].

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (исследовательский проект № 14-01-00395 «Государственная идеология антибольшевистских правительств на территории Сибири в годы революции и Гражданской войны: роль медийного дискурса в институционализации политической власти и формировании информационного пространства»).

Примечания:

1. Восточный курьер. (Чита). 1918.
2. Сибирский вестник. (Омск). 1918.
3. Милоков П.Н. Россия на переломе: в 2 т. Париж, 1927. Т. 2.
4. Вишняк М.В. Из истории гражданской войны // Современные записки. 1932. № 48.
5. Устрялов Н.В. 1919-й. Из прошлого // Русское прошлое. 1993. № 4. С. 194–287.
6. Журавлев В.В. Вождизм в идеологической практике контрреволюционного движения: опыт анализа приветственных посланий А.В. Колчаку // Политические системы и режимы на востоке России в период революции и гражданской войны. Вып. 2. Новосибирск, 2013. 216 с.
7. Журавлев В.В. Образ А.В. Колчака в публикациях С.А. Ауслендера // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сборник научных статей. Вып. 3 / Науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: Параллель, 2012. С. 102–111.
8. Молчанов Л.А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт. 1917–1920 гг.). М.: Издатпрофпресс, 2002. 272 с.
9. Шереметьева Д.Л. Большевики в представлении «демократической контрреволюции» Сибири (июнь–ноябрь 1918 г.) // Власть и общество в Сибири в XX веке. Выпуск 4. Сборник научных статей / Научный редактор В.И. Шишкин. Новосибирск: Параллель, 2013. С. 50–75.
10. Вестник Временного Всероссийского правительства. (Омск). 1918.
11. Правительственный вестник. (Омск). 1919.
12. Голос сибиряка (Екатеринбург). 1919.
13. Надежда России. (Новониколаевск). 1919.
14. Народная Сибирь. (Новониколаевск). 1918.
15. Народная газета. (Томск). 1919.
16. Военные ведомости. 1919. (Новониколаевск).
17. Правительственный вестник. (Омск). 1918.
18. Свободный край (Иркутск). 1919.
19. Наша газета (Томск). 1919.
20. Греймас А.Ж. Структурная семантика: Поиск метода. М., 2004. 368 с.
21. Карпаторусское слово (Омск). 1918.
22. Карпаторусское слово (Омск). 1919.

References:

1. Vostochnyy kur'er. The East Courier. (Chita). 1918. [In Russian].
2. Sibirskiy vestnik. The Bulletin of Siberia. (Omsk). 1918.
3. Milyukov P.N. Russia at the turn: in 2 v. Paris, 1927. V. 2. [In Russian].

4. Vishniac M.V. From the history of the Civil War // Modern note. 1932. № 48. [In Russian].
5. Ustrialov N.V. 1919 From the past // Russian past. 1993. № 4. pp 194-287. [In Russian].
6. Zhuravlev V.V. Warlordism in the ideological practice of counter-revolutionary movement: the experience of analysis congratulatory message AV Kolchak // Political systems and regimes in eastern Russia during the revolution and civil war. Vol. 2. Novosibirsk, 2013. 216 p. [In Russian].
7. Zhuravlev V. The image of the A. Kolchak in publications S. Auslander // Power and society in Siberia in the XX century. Collected articles. Vol. 3 Novosibirsk: Parallel, 2012. pp. 102-111. [In Russian].
8. Molchanov L. Newspaper press Russia during the Revolution and the Civil War (October. 1917-1920.). M., 2002. 272 p. [In Russian].
9. Sheremetyeva D. The Bolsheviks in the presentation of the "democratic counter-revolution" in Siberia (June-November 1918) // Power and society in Siberia in the XX century. Vol. 4. Collection of scientific articles. Novosibirsk: Parallel, 2013. pp. 50-75. [In Russian].
10. Vestnik Vremennogo Vserossiyskogo pravitel'stva. The Bulletin of the All-Russian Provisional Government. (Omsk). 1918. [In Russian].
11. Pravitel'stvennyy vestnik. The Bulletin of the Government. (Omsk). 1919. [In Russian].
12. Golos sibiryaka. The Voice of Siberian (Yekaterinburg). 1919. [In Russian].
13. Nadezhda Rossii. The Hope of Russia. (Novonikilaevsk). 1919. [In Russian].
14. Narodnaya Sibir'. The People's Siberia. (Novonikilaevsk). 1918 [In Russian].
15. Narodnaya Gazeta. The People's newspaper. (Tomsk). 1919. [In Russian].
16. Voennye vedomosti. The Military newspaper. (Novonikilaevsk). 1919. [In Russian].
17. The Bulletin of the Government. (Omsk). 1918. [In Russian].
18. Svobodnyy kray. Free region (Irkutsk). 1919. [In Russian].
19. Nasha gazeta. Our newspaper (Tomsk). 1919. [In Russian].
20. Greimas A. J. Structural semantics : an attempt at a method. M., 2004. 368 p. [In Russian].
21. Karpatorusskoe slovo. Carpathorussian word (Omsk). 1918. [In Russian].
22. Karpatorusskoe slovo. Carpathorussian word (Omsk). 1919. [In Russian].

УДК 94 (47) 084.3 (571)

**Формы репрезентации национальной идентичности в официальной
и проправительственной периодической печати востока России
(июнь 1918 – декабрь 1919 гг.)**

¹ Дмитрий Николаевич Шевелев

² Кирилл Александрович Конев

¹⁻² Томский государственный университет, Российская Федерация

¹ Доктор исторических наук, доцент

E-mail: shev-dn@yandex.ru

² E-mail: konev-k-92@rambler.ru

Аннотация. В статье, на основе материалов официальной и проправительственной периодической печати, выходявшей на востоке России с лета 1918 до конца 1919 г., рассматриваются ключевые для антибольшевистского движения идеи, образы и смыслы, игравшие важную роль в коллективной самоидентификации его сторонников. Важной составляющей легитимации власти новых политических режимов была конкурентная борьба за гегемонию в сфере символического производства и формирование информационного, политического, социального, экономического и культурного пространства, соответствующего новой государственной доктрине. В ситуации разрушения прежнего (имперского) механизма общественной интеграции необходимы были новые формы организации политической общности «Мы» и противопоставления ее враждебной «Они». Основной задачей, решаемой пропагандистскими ведомствами Омского правительства, являлось формирование и консолидация «воображаемого сообщества», понимаемого как «русская национальная общность», подчинение его целям борьбы с большевизмом. *Цель исследования заключается в выявлении характерных для газетного дискурса официального направления способов конституирования и репрезентации национальной идентичности.* Через репрезентацию цели официальная и проправительственная периодическая печать антибольшевистских режимов востока России очерчивала границы конструирования воображаемого сообщества, выстраивала своеобразные идентификационные коридоры: «Мы» (честные граждане России) – «Они» (наши враги – большевики); политически активный «Гражданин» – безучастный к судьбе отечества «Обыватель» и т.д. Авторы приходят к заключению о том, что основными способами репрезентации национальной идентичности являлись актуализация идеологически маркированных ценностных компонентов и политические нарративы, метафоры и метафорические модели.

Ключевые слова: Гражданская война, Сибирь, антибольшевистское движение, Российское правительство адмирала А.В. Колчака, идентичность, политический нарратив.